

Литературные отклики.

Живая литература и мертвые критики.

В эмиграции существует весьма распространенная порода людей, присвоивших себѣ неблагодарную обязанность: быть постоянными плакальщиками на похоронах Россіи. Что бы ни случалось дома, какой бы оборот ни принимали там событія — плакальщики механически повторяют свое затверженное причитаніе и поют отходную родинѣ и ея народѣ. Подобно длинноволосому витіи из «Двѣнадцати» Блока, умѣют они только восклицать «погибла Россія», и всякое противоположное утвержденіе считают или позорным оскорбленіем національнаго чувства или большевистским измышленіем.

Сидя на «рѣках Вавилонских» изгнанія, плакальщики замѣчают в Россіи только смерть, только необятный могильный холм, безмолвно возвышающійся над великой страной. И так вошло в их духовную привычку видѣть на всем, идущем из Россіи, печать гибели, знак уничтоженія, что всякую вѣсть о ростках жизни — вопреки и наперекор мукам, распаду и безумію послѣдних лѣтъ — встрѣчают они с гнѣвом или презрѣніем.

Особенно, если рѣчь идет о духовной, умственной жизни Россіи. Плакальщики знают твердо и опредѣленно: ни науки, ни искусства, ни литературы, ни движенія мысли в Россіи нѣтъ. Если что и осталось от прежняго духовнаго богатства — то это перенесено в Европу русскими эмигрантами. В Россіи — мѣсто пусто, а в Парижѣ, Берлинѣ, Прагѣ и Бѣлградѣ сидят достойные наследники Ломоносова, Пушкина и Тургенева и, точно новыя весталки, поддерживают трепетный огонек русской культуры.

Этих добровольных весталок развелось за-границей доволь-

но много и в них записались и Карташев и Струве и Мережковский. Недавно на гостеприимных страницах «Современных Записок» объявил свое присоединение к весталкам и плакальщикам и Антон Краиний, убежденный, очевидно, злобно похоронными причитаиями Зинаиды Гиппиус в ея «Дневникъ».

Антон Краиний считался нѣкогда острым, тонким критиком. Это было в тѣ времена, когда он защищал в девяностых годах «новыя вѣянія», боролся против реалистическаго направлення в русской литературѣ во имя символизма и стремился очистить искусство от заразы политики и публицистики.

Но это было давно, очень давно, и с тѣх пор Антон Краиний успѣлъ, как мы увидим, сильно измѣниться. Его покинули критическое чутье, пониманіе сложности литературных явленій, любовь к свѣжему и молодому в искусствѣ и даже прежнія эстетическія симпатіи. Остались только злая иронія, несправедливая рѣзкость и холодный блеск ума.

Он говорил умно и рѣзко,
И тусклые очки
Метали прямо и без блеска
Слѣпые огоньки.

Сквозь очки предвзятости, злобы и политики, захотѣлъ увидеть Антон Краиний русскую литературу — и ничего не увидал, кромѣ ямы, пустоты, исполинской безликости смерти. И даже для того, чтобы говорить об этой пустотѣ, надо было ему в себѣ самом смерть преодолѣть: так и начинает Антон Краиний свою литературную запись: «надо, прежде всего воскреснуть». «Двадцать лѣтъ критической работы... И затѣм, с начала 18-го года, конец. Нѣтъ не только меня (что — я?), нѣтъ литературы, нѣтъ писателей, нѣтъ ничего: темный провал».

В Россіи литературы нѣтъ. Чапа русской литературы из Россіи выброшена. «Она опрокинулась, и все, что было в ней, брызгами разлетѣлось по Европѣ». «Русская современная литература (в лицѣ главных ея писателей) из Россіи выплеснута в Европу. Здѣсь ее и надо искать, если о ней говорить». «Какое имя ни вспомнишь — всѣ здѣсь».

Новаго ничего нѣтъ в мыслях Антона Краиняго. Эти мотивы слышали мы часто — и знакомы нам и это огульное отрицаніе всего, что осталось в совѣтских тисках и все-таки выжило. И это

горделивое самовозвеличение «истинной Россіи», той самой, которая, слава Богу, не в Москвѣ, а в Парижѣ. Ново только то, что высказаны они не со столбцов «Новаго Времени» или «Руля», гдѣ им полагалось красоваться, и не публицистом из «Освага», а литературным критиком, завоевавшим себѣ крупное имя. И когда высказаны! Через шесть лѣтъ послѣ того самого 1918-го года, который отмѣчает, по мнѣнію А. Крайняго, переход в небытіе русской литературы в Россіи и ввод во владѣніе наслѣдников ея за-границей. Казалось бы, пора прекратить и систему причитаній, и подмѣну литературной критики, той самой тенденціозной публицистикой, против которой А. Крайній боролся в славные времена «Новаго пути». «Вопросъ жизни» и «Скорпіона».

II.

За эти шесть лѣтъ русская литература, как и вся Россія, испытала тягчайшіе удары. Стихія голода, нужды, разрушенія, убивала ее носителей, уничтожала проводники слова — журналы, газеты, издательства. Фанатическое безуміе и невѣжество нынѣшних хозяев исторической сцены сознательно истребляло «буржуазное» искусство, «крамолу» в литературѣ, запрещало, изымало, сковывало. Все это извѣстно нам не менѣе, чѣм А. Крайнему и возбуждает в нас не меньшую скорбь и негодованіе. Но нам извѣстно и другое. Нам извѣстно, что русскіе ученые, писатели, художники, несмотря на всѣ муки и униженія, несмотря на бѣдствія, голод и холод, работали, не покладая рук — и там — в Россіи — сохранили русскую культуру.

Для А. Крайняго скринія завѣта — здѣсь, здѣсь горит свѣточ мысли и творчества. И даже физическій — «какое имя ни вспомнишь — всѣ здѣсь».

Достаточно воспользоваться простым методом перечисленія, чтобы тотчас же увидать всю неправильность этого легковѣснаго и легкомысленнаго утвержденія. Что сдѣлает А. Крайній с именами Анны Ахматовой, Сологуба, Кузмина, Замятина? Отчего, вспоминая, позабыл он, что не здѣсь — а там — Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Валерій Брюсов. Андрей Бѣлый — прежніе друзья и соратники? Как мог

А. Крайній — если он хотѣл быть справедливым — презрѣть литературную молодежь, — от «Серапіонов» до имажинистов, независимо от того, нравится ли она ему или нѣтъ?

Но, очевидно, дѣло не в простом спискѣ и не в том, «чья перетянет» и кого окажется больше — русских в Парижѣ или русских в Россіи — а в том, что *сдѣлали* тѣ и другіе, каковы художественныя достиженія *здѣсь* и *там*, начиная с 1918 года.

И надобно тотчас же отвѣтить: как ни была блѣдна русская литература за пережитые шесть лѣтъ, все новое, значительное, интересное, что она дала, пришло из Россіи, а не из-за границы. Исторически невозможно было ждать от литературы великих твореній за послѣдніе годы: уже давно отмѣчено, что эпохи социальна-политических потрясеній, особенно их кульминаціонные моменты, почти никогда не совпадают с крупными достиженіями в области искусства. Но всего изданнаго и написаннаго в Россіи, начиная от того самого 18-го года, который для А. Крайняго служит могильным крестом россійской словесности, достаточно, чтобы опровергнуть неврастеническія выкрики о смерти родной литературы.

Возьмем поэзію революціонной эпохи, открывающуюся таким произведеніем, как «Двѣнадцать» Блока. Гдѣ и когда были написаны послѣдніе сонеты Вяч. Иванова, «Свирѣль» и «Только любовь» Сологуба, «Колчан» и «Огненный столп» Гумилева, «Подорожник» и „Anno Domini“ А. Ахматовой, «Стихи о Россіи» и «Стихи о террорѣ» М. Волошина, сборники стихотвореній Цвѣтаевой, А. Бѣлаго, Пастернака, Мандельштама, Шкапской и многих других! И неужели А. Крайній может серьезно говорить о том, что нѣмота сковала уста русской музы, когда голос ее порою бывает слышен даже сквозь нарочитое косноязычіе Есениных и озорное гиканье Маяковских?

В области прозы меньше достиженій. И все же — есть и романы и рассказы Замятина, и «Котик Летаев» Бѣлаго, и «Эгерія» Мурагова изданная в Берлинѣ, но написанная в Россіи). И прекрасныя повѣсти Яковлева и Сергѣева Ценскаго, и произведенія «Серапіоновской» братіи.

Что может противопоставить этому эмиграція?

III.

Это основной, рѣшающій вопрос. Вѣдь только в эмиграціи находится современная русская литература — от Бунина до Зайцева, по заявленію А. Крайняго. Мало того: здѣсь за-границей она свободна духовно и зачастую, обезпечена матеріально или, во всяком случаѣ, находится в условіях болѣе челоувѣческих, нежели на родинѣ.

Но как объяснить *творческую скудость* литературной эмиграціи. И А. Крайній спѣшит предупредить этот вопрос и заявляет: «может показаться странным, что наша литература на новых мѣстах за шесть лѣтъ, дала сравнительно мало новаго». А. Крайній объясняет это явленіе... писательским цѣломудріем, невозможностью выдумывать, когда жизнь ярче выдумки, невозможностью «писать стихотвореніе у еще теплаго тѣла матери. А ощущеніе умершей или умирающей Россіи носил в себѣ долго каждый русскій писатель, пожалуй и теперь носит, на самом днѣ души».

Если А. Крайній прав, и каждый писатель носит в душѣ только ощущеніе смерти или умиранія, тогда немудрено, что изсякло творчество. Даже говоря о смерти, творчество утверждает жизнь — жизнью питается. Опустошенность не может родить поэтического порыва.

И дѣло, конечно, не в «цѣломудріи» а в духовной оторванности, в потерѣ точки опоры, в эмиграціи духовной, а не только физической.

Эмигрантом был Герцен — и написал «С того берега» и «Былое и думы»; долгіе годы жил внѣ родины Тургенев — и едва ли не лучшія творенія его приходятся на эту пору.

А нынѣшняя литературная эмиграція, какія цѣнности она пріобрѣла за время свободной своей жизни внѣ большевистской тюрьмы?

Поражает, до чего «скудна» именно струя художественнаго творчества в эмиграціи. В области науки и общественности дѣло обстоит лучше: продолжает работать мысль, чувствуется напряженное исканіе новых путей, стремленіе вдуматься в россійскій сдвиг, понять ту новую жизнь, которая медленно пробивается из под обломков пропалаго. Но в литературѣ — ничего.

И не о Россіи, а об эмиграціи должен был бы произнести свое суровое слово отрицанія А. Крайній.

За эти шесть лѣтъ — ни одного новаго умственнаго или художественнаго теченія, ни одной новой поэтической школы ни одного группнаго беллетриста, ни одного серьезнаго поэта.

И все это на фонѣ безмолвія тѣх, кто для А. Крайняго воплощает всю современную русскую литературу, или при слабом мерцаньи поэтических огоньков втораго сорта.

Бушин, несомнѣнно, большой художник — но кромѣ нѣскольких стихотвореній, значительно уступающих его прежним произведеніям, и двух-трех маленьких разсказов («Безумный художник», «Несрочная весна»), опять таки не принадлежащих къ числу лучших его твореній — он ничѣм не обогатил литературу эмиграціи.

Совсѣм замолк Кузрин. Только одно его стихотвореніе в прозѣ «Золотой пѣтух» — достойно вниманія — все остальное, что он опубликовал, точно вытасчено из архива, в котором автор откладывал свои неудавшіяся вещи.

Болѣе всѣх остальных живъ еще Шмелев. До сих пор дал он только первую часть «Солнца мертвых». Лучшее его произведеніе за послѣдніе годы — «Неупиваемая чаша» — написана в Россіи.

Из Россіи же привез Зайцев свой сборник «Италія», «Карла V» и «Улицу св. Николая», и блѣден и неудачен новый его роман — «Золотой узор», печатающійся в «Современных Записках» по сосѣдству с А. Крайним. Что дали в эмиграціи Мережковский, Ремизов, З. Гиппиус?

Но быть может на чужой землѣ расцвѣло «племя младое, незнакомое»?

Увы, то же безотрадное зрѣлище. Эмиграція выдвинула лишь А. Алданова, этого истаго западника, лишь за-границей раскрывшаго свой несомнѣнный, хотя и нѣсколько стмѣченный подражательностью талант историческаго повѣствователя.

«Подает надежды» Лукаш, еще неровный, неустановившійся; и надежд не оправдал быстро высказавшійся и ничего не сказавшій А. Дроздов.

Еще хуже в области стихотворчества. Кромѣ переиѣвов Бальмонта, только книги Ходасевича и Марины Пвѣтаевой — подлинныя достиженія. Затѣм идут многочисленныя «вторые

ученики» класса муз — начиная от Сирина, кончая Глѣбом Струве.

Эмигрантскій итог — безрадостный. И самое страшное, что не только не родились в эмиграціи новые писатели, но и старые захирѣли. Если бы русская литература, дѣйствительно, исчерпывалась только эмиграціей, было бы от чего придти в отчаяніе, усомниться в будущем. Но к счастью эмигрантская литература лишь вѣтвь на общем стволѣ. Она жива постольку, поскольку жив ствол; она питается его соками, она разцвѣтает, если обмѣн этот жив и полон и засыхает, едва он прекращается. И недаром — лучшіе писатели в эмиграціи тѣ, кто сохранили внутреннюю связь с Россіей, или только недавно пріѣхали из нея.

Любопытно, что даже литературные споры, полемика, борьба, нерѣдко сопряженная с негодующей страстностью, вызывались преувеличеніями поэтической моды или озорства, шедшими из Россіи. Даже для литературнаго скандала понадобилось выписать из Россіи Есениных и Кусиковых, даже для щекотанья нервов парадоксами потребовались «гости», недолго продержавшіеся в эмиграціи — Эренбург и Шкловскій.

Имя Шкловскаго напоминает миѣ еще об одном явленіи: в Россіи молодежь интересуется литературой. В Россіи люди ухитряются производить огромную работу над поэтическим языком, строить и обосновывать теоріи формальнаго метода, подготавливать изысканія, собирать матеріалы (цѣнные труды «Опояза», Жирмунскаго, Эйхенбаума, Тынянова и многих других). Даже в тѣх самых разсадниках пролетарской поэзіи, искусственно заведенных попечительной властью во славу большевизма, из которых, по словам А. Крайняго, выходят «непристойные гады» — даже там идет броженіе живой мысли, а иногда и серьезная поэтическая работа, обращающаяся во прах нелѣпых мечты о правительственной литературѣ.

И все это происходит в той самой Россіи, гдѣ на мысль воздвигнуты жесточайшія гоненія, гдѣ идеи монополизированы государством, гдѣ творенія Толстого и Достоевскаго взяты под подозрѣніе, гдѣ литературные чекисты пытаются Парнас сдѣлать отдѣленіем Комитерна. Какія героическія усилія необходимы, чтобы жить, творить, работать в этих кошмарных усло-

віях? И какую крѣпость, какую жизненную силу обнаружила, уцѣлѣвъ и развиваясь, та русская литература, которую эмигрантскіе критики и нытики давно считают мертвой?

4.

Если бы А. Краиній исходил в своей «Литературной записи» из соображеній критика и историка литературы, он не мог бы свести русскую словесность к двум рассказам Бунина и Куприна и повѣсти Шмелева, он не был бы в силах пройти мимо всего того, что сквозь муки и униженія пронесла русская литература за годы революціи. И если его поразила слѣпота и критическая нечувствительность — то это месть муз. А. Краиній измѣнил им ради вѣтреннаго, коварнаго и кроваваднаго божка политики. Политическія соображенія, политическая злоба и любовь продиктовали критику его легковѣсных оцѣнки. Политика лишила его чувства мѣры и художественнаго чутья.

А. Краиній — бывший нѣкогда застрѣльщиком и теоретиком русскаго символизма — конечно, не случайно, увидал «трех праведников» нашего искусства в эротическом натуралистѣ Арцыбашевѣ и представителях «старога реализма» (того самаго, против котораго нѣкогда выступал А. Краиній) — Бунинѣ, Купринѣ, Шмелевѣ.

Мнѣ думается, что причина этого не только в искренней данн уваженія к талантам художников и, конечно, не в перемѣнѣ эстетических взглядов А. Краиняго, а в том, что эти писатели для него — символ прошлаго. Они не только представители опредѣленнаго, уже изжитаго *этапа* исторіи русской литературы — но они сознательные проповѣдники и цѣвцы нѣлаго періода русской исторической жизни.

Да, умерла старая Россія. Не Россія — а только один лик ея исторических воплощеній. И для тѣх, кто, быть может, сам того не сознавая, был кровно связан с опредѣленными формами быта, жизни и психики — наступил темный провал, смертная тишина, конец. Это субъективное ощущение смерти они переносят на всю Россію.

Умерли они сами — а им кажется, что в посольских церквях надо служить панихиду по Россіи. Их жизнь застыла —

и очутились они на чужой землѣ — а им чудится, что родна исчезла и «земля пустынна, ни травинки, все сръзано».

И поэтому не говорит А. Крайній о тѣх писателях, которые пытались и пытаются воскреснуть вмѣстѣ с новой Россіей, и с ней жить и творить. Имена А. Бѣлаго и В. Иванова, Ахматовой и Замятина, Блока и Волошина не приходят ему на уста. И Брюсов для него «автоматически выпадает из литературы» потому только, что он перешел к большевикам. А о Горьком у критика нашлось только опредѣленіе писателя, как человѣка, помогавшаго «изъятію всяческих цѣнностей», «дальнѣйшія литературныя произведенія котораго для нас безразличны».

Не стоило бы останавливаться на этой бессмысленно злобной фразѣ, если бы она не являлась типичной выразительницей явленія, ставшаго обычным в эмигрантской критикѣ. Нѣтъ, кажется, ни одного анти-большевистскаго публициста, который бы хоть раз не упражнялъ своего копыта ляганьем Горькаго. Травля Горькаго считается хорошим тоном зарубежной печати.

Горькій совершал вещи политически вредныя и неумныя. Ряд его высказываній отличался не только обычной для него безтактностью, но содѣйствовал ложному представленію о большевиках в Европѣ и укрѣплялъ их моральный авторитет внутри страны.

Горькій — дѣятель понес заслуженную кару за свои ошибки, которая, к тому же, он совершал не из тщеславія или ради тѣх «цѣнностей», на которыя намекает критик «Современных Записок», а искренно вѣря, честно увлекаясь. Но совершенно независимо от политических взглядов и дѣйствій Горькаго — он большой художник, не меньшій чѣм Бунин. Он показал и доказал, что дарованіе его попрежнему свѣжо и ярко — и радуют его послѣднія произведенія — начиная от «Моих университетов», кончая прекрасным «Разказом о безответной любви» в послѣдней книжкѣ «Бесѣды».

И если не безразличны для А. Крайняго послѣдующія произведенія монархистствующаго Бунина, то не могут быть для него безразличны и дальнѣйшія творенія большевистствующаго Горькаго. Монархизм Бунина и большевизм Горькаго пѣна на взбаламученном морѣ политических превращеній — а твор-

чество их — драгоценные камни в полной чашѣ русскаго художества.

Ан. Франс до недавняго времени был коммунистом. Не предложит ли А. Крайній выбросить его «за борт литературы» и не возьмется ли он доказывать какому-нибудь образованному французу, что «дальнѣйшія произведенія А. Франса безразличны, и что гордиться им нечего?

Пора прекратить постоянное пошлое зубоскальство над Горьким и понять, что Горькій-художник принадлежит не коммунистической партіи, а всей мыслящей и культурной Россіи. И эта Россія от Горькаго не отказывается и безразличным для себя его считать не может.

Она не отказывается и от Бунина, и от Куприна. А между тѣм, если говорить об их политических высказываніях, то они, пожалуй, не лучше Горьковских.

Горькій поддерживал большевиков. Это преступленіе. А Куприн на страницах «Русской Газеты» проповѣдует возврат к монархіи. А Бунин, на собраніях эмиграціи, скандируя, заявляет, что только возстановленіе прошлаго спасет Россію. Почему эта проповѣдь — не преступленіе в глазах А. Крайняго?

Не потому ли, что сам он близок к этим взглядам и чтит эту проповѣдь?

В той же книжкѣ «Современных Записок», в которой шла себѣ приют «Литературная Запись» А. Крайняго, помѣщенъ рассказ Бунина — «Несрочная весна». Он написан чудесным, полнозвучным языком, той сжатой, лирически насыщенной прозой, которой так прекрасно владѣет Бунин. Но в чем душа рассказа? В воспоминаніи об умершем, в культѣ помѣщичьяго прошлаго, в отверженіи дня сегодняшняго. Герой рассказа, отправившійся из Москвы в старую дворянскую усадьбу — ощущает себя точно удѣлѣвшим чудом «среди цѣлаго сонма погибших, среди такого великаго крушенія, равнаго которому не знает человѣческая исторія!» Он уходит в Элизей воспоминаній, и единственно живым является для него невозвратный мір прошлаго, мір мертвых. И «что может быть у меня общаго с этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную?»

Бунин дополнил А. Крайняго. Оба они — люди старой,

умершей Россіи. Для обоих живет и дышет только мір мертвцов, и мертв и безмолвен мір живых.

Они неспособны уловить «музыку будущаго». Им чужда и глубоко ненавистна та новая Россія, которая несмотря ни на что, пробивает себѣ дорогу в большевистской чащѣ и, как говорил Герцен, в порывѣ импровизаціи разом стучится в тысячи исторических ворот. Они не поняли, что великая катастрофа революціи — не только крушеніе, но и рожденіе.

И сколько бы ни отрицала «старая гвардія» это новое, сколько бы ни оплакивала бывшее великолѣпіе и мечтала об его возвратѣ — настоящая жизнь идет внѣ ея и помимо нея.

И пусть плакальщики произносят надгробное слово русской литературѣ и думают, будто за предѣлами их прихода, за оградой их храма — гробовая тишина, пустота, отчаяніе смерти! Вѣдь все равно жива и будет жить русская литература — и безнадежно мертвы лишь ея могильщики и отрицатели.

Марк Слоним.